

Вестник
Томского государственного
университета

№ 335

Июнь

2010

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Аванесов С.С.**, д-р филос. наук, проф.; **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Гага В.А.**, д-р экон. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гураль С.К.**, канд. филол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Демин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кривова Н.А.**, д-р биол. наук, проф.; **Кузнецов В.М.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначев В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Петров Ю.В.**, д-р филос. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прокументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прокументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Савицкий В.К.**, зав. редакционно-издательским отделом ТГУ; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слизов Ю.Г.**, канд. хим. наук, доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко Ф.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минер. наук, доц.; **Унгер Ф.Г.**, д-р хим. наук, проф.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Аванесов С.С., д-р филос. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Гураль С.К.**, канд. филол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Парначев В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Петров Ю.В.**, д-р филос. наук, проф.; **Прокументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прокументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
Высшей аттестационной комиссии
(Подробнее см.: <http://vak.ed.gov.ru>)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОЙ И РАБОЧЕЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ СИБИРИ ПО РАЗВИТИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В 1921–1929 гг.

Рассматривается деятельность городской и рабочей потребительской кооперации Сибири по развитию системы общественного питания в годы нэпа. В первой половине 1920-х гг. сеть предприятий общественного питания городской и рабочей потребительской кооперации была малочисленной. С переходом к индустриализации произошел резкий рост числа кооперативных столовых, чайных и буфетов. В конце 1920-х гг. городская и рабочая потребительская кооперация Сибири стала занимать лидирующие позиции в данной отрасли.

Ключевые слова: кооперация; Сибирь; общественное питание; нэп.

Потребительская кооперация – общественно-хозяйственная организация универсального типа, которая осуществляет многоотраслевую деятельность: реализует пайщикам товары гарантированного качества; закупает продукцию подсобных хозяйств, промыслов и индивидуальной трудовой деятельности; оказывает различные услуги; ведет промышленную деятельность, строительство, имеет транспортное и подсобное сельское хозяйство.

Переход к новой экономической политике весной 1921 г. обусловил изменение отношения к потребительской кооперации со стороны советского государства. Она была выведена из подчинения Народному комиссариату продовольствия (Наркомпроду), провозглашалась ее самостоятельность (но только в известной степени), право заготавливать сельскохозяйственную продукцию, скупать и обменивать товары и т.д. Вместе с тем сохранялась обязательность членства в потребительских обществах, контроль Наркомпрода, партийно-государственное руководство кооперативным строительством. Все городское и рабочее население по-прежнему в обязательном порядке приписывалось к Единым потребительским обществам (ЕПО) – только в этом случае можно было получить пайковое довольствие.

В рамках ЕПО допускалось образование добровольных потребительских обществ (ДПО), учреждаемых по признаку общих интересов. Ими стали в основном рабочие кооперативы (рабкоопы), которые должны были зарегистрироваться в ЕПО. Только такой порядок открывал путь к созданию и обмену своих фондов на промышленные и продовольственные товары, не образуя при этом собственного заготовительного аппарата, а используя аппарат общегражданской потребительской кооперации. На практике в период товарообменной кампании 1921 г. многие рабкоопы стремились действовать самостоятельно, в обход губернских и районных союзов потребительских обществ.

Срыв товарообмена вынудил советское государство осенью 1921 г. пойти на более широкую легализацию частного торгового капитала. Противовесом ему на рынке должен был стать социалистический сектор в виде кооперативной и государственной торговли. Это обусловило расширение хозяйственной самостоятельности кооперации, ведение торговых операций с целью максимального удовлетворения интересов объединяемого ею населения. Кроме торговой деятельности, постановление II Пленума Центрального рабочего кооперативного комитета (Церабкоопа) «Производственная деятельность рабочей кооперации», состоявшегося 6–8 октября 1921 г. в Москве, ориентировало первичные

потребительские общества на организацию самых разнообразных предприятий: «...выработка предметов широкого потребления, переработка полуфабрикатов, сырья и отходов, починочные и пошивочные мастерские, колхозы, столовые». Предпочтение отдавалось крупным предприятиям, созданным путем объединения сил и средств нескольких кооперативов [1. Л. 31].

Еще в период «военного коммунизма» в ведение городских и рабочих потребительских обществ была передана сеть общественного питания, которая насчитывала большое количество столовых. Красноярское ЕПО «Самодетельность» в конце 1921 г. располагало 14 столовыми для взрослых, где ежедневно обедали 11–12 тыс. человек. В Новониколаевске в это же время работало 15 столовых для взрослых (с числом обслуживаемых 4,5 тыс. человек в день) и 8 детских (с 3,5 тыс. детей ежедневно) [2. Л. 54]. Большая часть учреждений общественного питания обобщественного сектора в начале нэпа располагалась в непригодных помещениях, имела устаревшее оборудование, не соответствовала санитарно-гигиеническим нормам и относилась к предприятиям кустарного типа. Им было трудно выдержать конкуренцию со стороны частного капитала, который развернул широкую сеть столовых в первые годы нэпа. «Они чище, количество служащих гораздо меньше, и обеды отпускаются гораздо лучше», – говорилось о частных предприятиях в районе столовой № 2 Новониколаевского ЕПО. Поэтому «посетители избегают посещать столовую № 2: так, если в январе 1922 г. выдавалось до 98 обедов в день, то 1 марта выдано 29 обедов, а 10 марта – 8» при численности штата 13 человек [3. Л. 9].

Обеды в кооперативных столовых не отличались высокой калорийностью и обеспечивали лишь физиологическую норму выживания. Однако для значительной части посетителей это была единственная возможность получить горячее питание в условиях голода. Таким образом, система общественного питания городской и рабочей потребительской кооперации обеспечивала удовлетворение важной части потребительских нужд кооперированного населения и выполняла важную социальную функцию. К сожалению, обобщающих данных о количественных показателях деятельности сибирских городских и рабочих кооперативов по развитию общественного питания применительно к началу нэпа обнаружить не удалось. Это замечание относится и к другим сторонам функционирования городской и рабочей потребительской кооперации Сибири. Известный сибирский кооператор В. Махов отмечал: «Больше, чем бы в какой бы то ни было области,

недостаток материалов дает о себе знать в области сведений о городской, и, в особенности, рабочей кооперации в Сибири. Ни организационные отделы сибирской потребительской кооперации, ни кооперативная печать не уделяли этому отряду кооперативов достаточного внимания» [4. С. 101].

Успехи в восстановлении народного хозяйства в 1923–1925 гг., преодоление голода, отмена обязательного членства в кооперации, жесткая конкуренция с частным капиталом способствовали сокращению численности предприятий общественного питания в сети городской и рабочей потребительской кооперации. В соответствии с указаниями директивных органов ее основные усилия были направлены на развитие торговых операций. Относительно других видов хозяйственной деятельности Президиум Центральной секции рабочей кооперации (Церабсекции) в марте 1925 г. настоятельно рекомендовал всем городским и рабочим кооперативам страны ограничить ее «...теми продуктами, которые необходимы для непосредственного обслуживания нужд пайщиков и не отпускаются государственными предприятиями на тех же или более выгодных условиях. Это в первую очередь предприятия по обслуживанию повседневного быта пайщиков: хлебопекарни и столовые» [5. Л. 31].

Руководство кооперативов старалось не утрачивать опыта организации системы общественного питания, хотя работа столовых далеко не всегда была прибыльной. Причины низкой рентабельности: во-первых, ценовая политика государства – обеды в рабочих столовых не должны были быть дорогими; во-вторых, слабая техническая оснащенность предприятий общепита; в-третьих, недостаток квалифицированных кадров, в-четвертых, дефицит специально оборудованных помещений. Приходилось также выдерживать острую конкуренцию со стороны частного капитала, который устремился в эту отрасль с целью получения высокой нормы прибыли. Предприятия потребительской кооперации, ориентированные на поддержку наиболее малообеспеченных слоев населения, часто терпели убытки от своей деятельности. Так, Томский Центральный рабочий кооператив (ЦРК) в сентябре 1924 г. открыл столовую, чтобы «...дать пролетарскому студенчеству сытный, доброкачественный обед по наиболее дешевой цене». В основном эта цель была достигнута: питательность обеда, по заключению городской санитарной секции, была достаточной, но столовая была нерентабельной – в июне 1925 г. убыток от ее работы составил 384 руб. 46 коп. [6. С. 54].

В условиях острой конкуренции с частным капиталом в области общественного питания и учитывая недостаток средств в потребительской кооперации, среди работников профсоюза «Народное питание» («Нарпит») еще в конце 1922 г. возникла идея о необходимости создания особой организации, которая бы занялась данной отраслью. Эта инициатива была поддержана партийными, советскими, профсоюзными органами: в конце февраля 1923 г. было создано паевое товарищество «Нарпит», учредителями которого стали ВСНХ, ВЦСПС, Центросоюз, Церабсекция, Транпосекция, Наркомпрод, Наркомпуть, Наркомздрав и другие организации. 2 мая 1923 г. Совет труда и обороны утвердил

Устав паевого товарищества «Народное питание», целью которого являлось предоставление «городскому и промышленному населению улучшенного и удешевленного питания, на основе безубыточности и самокупаемости, путем создания сети доступных столовых, ресторанов, чайных и т.п. подобных предприятий...» [7. С. 70]. Для достижения намеченной цели паевому товариществу по уставу предоставлялось право «организовывать образцовые предприятия и содействовать всем кооперативным и общественным организациям и учреждениям, технически осуществляющим общественное питание, как путем предоставления им необходимых кредитов, так и снабжения... инвентарем...» [7. С. 71]. «Нарпит», его отделения, столовые и не предназначенные для сбыта своих продуктов на частный рынок подсобные предприятия (равно и находящиеся под его непосредственным контролем столовые, организуемые кооперативами рабочих и служащих) были освобождены от всех общегосударственных и местных налогов и сборов. Кроме того, ему предоставлялись большие льготы при оплате помещений и коммунальных услуг.

На практике большинство столовых организовывалось при участии «Нарпита», а затем они передавались в ведение первичной кооперации, при сохранении за паевым товариществом контрольных и наблюдательных функций. По мере укрепления кооперации ее крупные губернские объединения начали борьбу с «Нарпитом» за преобладающее влияние в организации общественного питания. Кроме того, часть столовых оставалась подконтрольной непосредственно кооперации, на них влияние «Нарпита» не распространялось. Результатом этой ситуации стало усиление конкуренции между паевым товариществом и кооперацией. Попытки устранить эти противоречия путем разграничения функций и создания Комитетов содействия общественному питанию не увенчались успехом. К тому же деятельность «Нарпита» по организации столовых была медленной: их пропускная способность на 1 октября 1924 г. по СССР составила 118 500 человек в день, а на 1 октября 1925 г. – 273 650 [8. С. 19, 26]. В итоге постепенно основной организацией в деле развития общественного питания становилась городская и рабочая потребительская кооперация.

В Сибири также организовывались отделения паевого товарищества «Нарпит». Согласно Устава кооператива «Нарпит» в г. Новониколаевске, утвержденного правлением ЦРК 27 мая 1924 г., он имел право «организовывать общественное питание, устраивая сеть чайных, столовых и проч.». В 1924/25 г. в городе работало 5 «нарпитовских» столовых, но, по заключению РКИ, ни одна из них не являлась «...общедоступной... в которой мог бы получить обед по дешевой цене рядовой рабочий» [9. Л. 4, 5]. Несмотря на высокую стоимость обедов (она достигала 65 коп., тогда как «приемлемой» считалась цена не более 40–45 коп.), по итогам деятельности за 1924/25 год все пять столовых принесли 15 062 руб. 56 коп. убытка. Этот дефицит был перекрыт прибылью в сумме 18 928 руб. 44 коп., полученной от работы ресторана, буфетов, гостиницы и бильярдных [9. Л. 9]. Причины убыточной деятельности столовых заключались в отсутствии какого-то бы ни

было планирования и повседневного руководства со стороны правления «Нарпита», широком распространении кредитования рабочих и служащих, нерациональной постановке работы и т.д. Так, задолженность отдельных лиц на начало 1926 г. составила 4 960 руб. 69 коп., в том числе бывшего председателя правления кооператива Потапова – 389 руб. 50 коп. Дорого стоило также бесплатное питание работников кооператива, которое осуществлялось согласно коллективному договору кооператива «Нарпит» с одноименным профсоюзом по месту службы. Бухгалтерия не вела учета бесплатных обедов и ужинов, отпущенных сотрудникам, и лишь благодаря обследованию РКИ удалось установить, что только за январь 1926 г. они составили 10,5% общей стоимости обедов [9. Л. 16–19]. Все это обуславливало высокие расходы на содержание столовых – 35,2% выручки [9. Л. 29].

Таким образом, в первые годы нэпа городская и рабочая потребительская кооперация Сибири получила «в наследство» от периода военного коммунизма часть столовых. Некоторые из них в условиях острой конкуренции с частным капиталом и недостатка средств у рабкоопов и ЕПО обанкротились, другие были закрыты под нажимом рядовых пайщиков, т.к. часто их деятельность не приносила прибыли. Тяжелое испытание временем выдержали те предприятия общественного питания, которые сумели наладить рентабельную работу.

В функционировании городской и рабочей потребительской кооперации Сибири в 1926–1929 гг. в связи с переходом к индустриализации произошли кардинальные изменения. Во-первых, происходил быстрый рост городского населения Сибири. Увеличивалась также численность работников железнодорожного и водного транспорта. Во-вторых, сократилось кредитование кооперации со стороны государства. В-третьих, в рамках «наступления социализма по всему фронту» коммунистическая партия и советское государство требовали расширения торговой работы кооперации за счет вытеснения частного капитала. Поэтому основным видом деятельности городской и рабочей потребительской кооперации Сибири была торговая, а производственная имела вспомогательное значение. Необходимо отметить и такую характерную особенность второй половины 1920-х гг., как проведение различных кампаний, к тому же часто совпадающих во времени – за снижение розничных цен, за режим экономии, сокращение административно-управленческих расходов, организацию социалистического соревнования и т.д.

В этих условиях среди различных видов производственной деятельности городской и рабочей потребительской кооперации СССР в 1926–1929 гг. преимущественное развитие получили общественное питание и хлебопечение. Президиум Церабсекции 14 января 1926 г. утвердил тезисы П. Кожаного «Об общественном питании», где «организация общественных столовых» была признана «одной из основных задач рабочей кооперации, ...призванной содействовать улучшению быта рабочих». В данном документе отмечалось также, что многие рабочие кооперативы не развили их широкой сети, в основном из-за убыточности. Поэтому были предложены пути ее преодоления: механизация производственных процессов, рационализация, подготовка

квалифицированных кадров и т.д. Средства на эти цели предлагалось изыскивать созданием специальных фондов общественного питания при городских и рабочих кооперативах за счет отчислений из прибыли потребительского общества, взносов пайщиков и выделения определенной суммы денег профсоюзными, советскими и хозяйственными органами [10. Л. 143–145].

Реализация мер по развитию общественного питания проходила в трудных условиях. Так, в начале 1926 г. Омский ЦРК располагал двумя столовыми, которые принесли за январь–март убыток 2 922 руб. 66 коп. Правление объясняло это большими расходами на ремонт, существенной по размерам арендной платой и недостатком опытных работников. Предпринятые им усилия по рационализации уже имеющихся и открытие еще двух столовых способствовали получению небольшой прибыли за апрель–май, которая составила 327 руб. 65 коп. [11. Л. 24, 257]. На начало октября 1927 г. столовые Омского ЦРК отпускали 700 обедов в день и занимали первое место среди всех организаций общественного питания (45% всех обедов) [12]. Но позитивные изменения происходили не повсеместно: так, столовая № 1 Иркутского ЦРК при пропускной способности 700 обедов в день только за май – сентябрь 1926 г. принесла 2 078 руб. убытка [13].

Общее количество столовых в Сибири с 32 на 1 октября 1926 г. увеличилось к 1 октября 1927 г. до 83 с ежедневной пропускной способностью в 16 тыс. обедов. Однако существенным недостатком являлось их неравномерное размещение: 58 столовых (70%) было сосредоточено в 5 крупных городах. Распределение их по различным организациям выглядело следующим образом: городской и рабочей кооперации принадлежало 24 столовых (28,9%) и 44% удельного веса в обороте, «Нарпиту» – 9 (10,8%) и 16% удельного веса в обороте, государственным и общественным организациям – 26 (31,4%) и 25% удельного веса в обороте, частникам – 24 (28,9 %) и 15% удельного веса в обороте [14. С. 5]. В некоторых городах доля предприятий общественного питания, принадлежащих городским и рабочим кооперативам, была значительно выше. Так, Новосибирский ЦРК в декабре 1927 г. располагал 9 столовыми (50% от их общего количества в городе), 4 находилось в ведении других кооперативных и государственных учреждений (22,2%) и 5 – частных (27,8%) [15. Л. 2]. Таким образом, городская и рабочая кооперация стала ведущей организацией в деле постановки общественного питания. Что же касается деятельности паевого товарищества «Нарпит» в Сибири, то она потерпела неудачу из-за недостатка необходимых денежных средств, больших расходов, ошибок руководства, отсутствия общественного контроля. В ряде городов – Барнауле, Томске, Щегловске, Ленинске – местные отделения «Нарпит» по причине убыточности были ликвидированы (хотя имели преимущественно перед рабочей кооперацией). В других городах, например в Омске, ставился вопрос о сохранении сети столовых «Нарпита» с обязательным условием улучшения качества их работы.

Несколько лучшей постановкой дела отличались столовые ЦРК и городских потребительских обществ Сибири, которые «...вели правильную работу по раз-

виту общественного питания; отпуски (за 1926/27 г. – *Н.В.*) 1 757 700 обедов, сделали оборот в 1 079 903 руб.» [14. С. 5]. Калорийность обедов в них была выше, чем в ряде западных регионов: в Томске – 2000 калорий, Новосибирске – 1900, тогда как в Ленинграде – 1450, Украине – 1500–1700, Ростове-на-Дону – около 1200. Отпускные цены на обеды в столовых сибирских ЦРК колебались от 54,2 коп. до 29,5 коп. (по другим организациям – от 65,2 коп. до 34,3 коп.). Это зависело от размера накладных расходов, которые составляли от 40,9 до 20,5 процентов к обороту, или на один обед от 20,8 до 6 коп. Величина расходов, в свою очередь, зависела от постановки работы в столовых и от квалификации аппарата – на него приходилось от 11,5 до 4 коп. за обед [14. С. 6]. Преобладание среди персонала большинства столовых работников низкой квалификации влияло на пропускную способность, качество блюд, величину расходов. Острой проблемой являлось санитарно-гигиеническое состояние столовых. Газетные материалы нередко сообщали о неблагополучии в этой сфере. Так, «Красное знамя» в мае 1926 г. поместило выдержку из обследования студенческой столовой, действующей по договору городского студенческого бюро с правлением Томского ЦРК: «кухня особой чистотой не может похвалиться. Имеются в изобилии тараканы и мухи. Котлы... имеют неяршливый вид и кислый запах. Тарелки подаются невытертыми. Посудные полотенца и фартуки на служащих имеют грязный вид» [16]. Для преодоления этих недостатков совместно с профсоюзами предполагалось проведение различных учебно-курсовых мероприятий, введение плановых начал в работу предприятий общественного питания, повышение трудовой дисциплины, рационализация производства, соблюдение строгого режима экономии, улучшение правового и материального благосостояния работников столовых т.д.

Особое значение в улучшении качества обслуживания предприятиями общественного питания придавалось деятельности общественности – профсоюзам, лавочным (столовым) комиссиям, женскому активу и т.д. Журнал «Кооперативная Сибирь» в декабре 1927 г. отмечал, что «общественность в столовых поставлена совсем плохо. Профорганизации в производстве принимают слабое участие. Кооперативный актив в работу по наблюдению за деятельностью столовых не втянут. Прикрепленные к столовым лавочные комиссии ограничиваются лишь внешним осмотром, не вникая в работу предприятий... Женщины также не втянуты в работу по рациональному построению общественной кухни». Далее были приведены примеры положительного влияния общественности на деятельность столовых: «проверка администрации столовых профорганами в Омске уменьшила расходы, понизила отпускные цены и т.д. Поднятая томской газетой общественность – смотр – дал улучшение не только качества обедов, но и самой постановки работ Томского ЦРК в деле общественного питания» [14. С. 6]. В результате 6 столовых Томского ЦРК за первое полугодие 1927–1928 хозяйственного года дали чистой прибыли 1 880 руб. 29 коп., что составило 1% к торговому обороту [17. С. 17].

В многочисленных решениях партийных, советских, профсоюзных и кооперативных органов отмечалось значительное отставание роста предприятий об-

щественного питания от темпов развития промышленного строительства и резкого увеличения численности рабочего класса. В этой связи особое внимание обращалось на необходимость приближения предприятий общественного питания к рабочим окраинам, заводам, фабрикам и стройкам. Рекомендовалось также не забывать об обслуживании студенчества, безработных, школьников, сезонных рабочих и приезжающих в город крестьян. Все эти группы должны были получить питание по ценам, приемлемым для их бюджета. Особенно интенсивно происходило развертывание сети столовых в горняцких ЦРК (главным образом, в Кузбассе), где был взят курс на обслуживание всех шахтеров горячей пищей. Если на 1 октября 1927 г. в горняцких районах насчитывалось 2 столовых, то на 1 октября 1929 г. – 15, а на 1 апреля 1930 г. – 38 (т.е. за 2,5 года количественный рост предприятий общественного питания составил 1900%) [18. С. 88]. Однако количественный рост не всегда сопровождался одновременным повышением качества работы сети общественного питания. Деятельность значительной части столовых по-прежнему была нерентабельной, в том числе и в горняцких районах. В отчетном докладе «О деятельности Анжеро-Судженского рабочего кооператива “Углекоп” за 1927/28 г.» отмечалось, что убыток четырех столовых составил 7 663 руб. 85 коп., а прибыль – в размере 4 709 руб. 80 коп. – обеспечила работа трех буфетов [19. Л. 124]. В крупных городах рентабельность кооперативного общепита в еще большей степени зависела от деятельности буфетов, бильярдных, ресторанов, гостиниц и пр. Так, общая прибыль предприятий общественного питания новосибирского ЦРК за 1926/27 г. составила 10 318 руб., тогда как работа столовых принесла 13 340 руб. убытка, а деятельность буфетов, бильярдных и пр. – 23 653 руб. прибыли [20. Л. 20].

Первый пятилетний план развития народного хозяйства определял главную роль в развитии общественного питания потребительской кооперации. Ее помощником должны были стать местные товарищества «Нарпит». Резолюция 41 собрания уполномоченных Центросоюза по отчетным докладам правления Центросоюза, Церабсекции и Транпосекции, состоявшегося в июле 1928 г., ориентировала всю систему на ускоренное строительство «...хлебозаводов, фабрикухонь, столовых, требующих колоссальных затрат. Потребительская система должна с особой настойчивостью собирать средства в фонд долгосрочного кредитования, предназначенный на удовлетворение нужд капитального строительства» [21. С. 115]. Благодаря усилиям руководства Сибкрайсоюза, городской и рабочей потребительской кооперации Сибири, а также всех заинтересованных организаций сеть столовых на территории края на 1 октября 1929 г. насчитывала 84 ед., а на 1 октября 1930 г. – 136 [18. С. 88]. Одновременно происходило увеличение предприятий общественного питания и по группе «прочих», в которую входили культурные чайные и самостоятельные буфеты. Создаваемые в рабочих центрах чайные должны были стать очагами политической, кооперативной и антиалкогольной пропаганды в рамках широкого общественного движения «За новый быт». Они «...должны быть радиофицированы, снабжены газетами, журналами, шаш-

ками. В... чайных должны отпускаться закуски по недогорим ценам...» [22. С. 27]. Если на 1 октября 1928 г. в Сибири насчитывалось всего 34 самостоятельных буфета, то на 1 апреля 1930 г. – 7 культурных чайных и 83 буфета (в том числе 44 железнодорожных) [18. С. 89]. Малое количество чайных объясняется стремлением кооперативных работников сделать из них рентабельные в торговом смысле учреждения, недостатком средств на пропаганду и культурно-массовые мероприятия. Кроме этого, развитию культурных чайных мешал высокий налог, которым они облагались наравне с пивными.

Бурный рост количества предприятий общественно-го питания стал возможен благодаря привлечению средств из различных источников, т.к. собрать их силами одной городской и рабочей потребительской кооперации было невозможно. Промышленные предприятия выделяли их из фондов капитальных затрат, профсоюзы – из фондов улучшения быта рабочих, советы – из местного бюджета и правительство – из государственного бюджета.

В соответствии с ростом сети предприятий общественного питания Сибири постоянно увеличивался выпуск готовой продукции. Если в течение 1926/27 г. было отпущено 1,8 млн обедов, то в 1928/29 г. – 3,6 млн. Росли и годовые обороты предприятий общественного питания: с 1,14 млн руб. за 1926/27 г. они увеличились в следующем, 1927/28 г., до 2,28 млн руб., а в 1928/29 г. поднялись до 5,04 млн руб. За первое полугодие 1929/30 г. оборот по общественному питанию составил 6 млн руб. [18. С. 89].

В целом во второй половине 1920-х гг. происходили кардинальные изменения в количественном росте предприятий общественного питания в Сибири. Однако их производственная база оставляла желать лучшего – преобладали предприятия кустарного типа, частичная механизация была введена в незначительных размерах (Новосибирск, Иркутск, Красноярск, Барнаул). Серьезной проблемой являлось также и наличие соответствующих санитарно-гигиеническим нормам помещений. Большинство кооперативных столовых располагалось в непригодных зданиях, как правило, отсутствовали хранилища для продуктов. Кроме того, значительная часть столовых работала с большой перегрузкой.

Таким образом, деятельность городской и рабочей потребительской кооперации Сибири по развитию общественного питания в 1920-е гг. получила определенное развитие. Не имея должного опыта в организации и содержании сети столовых, других предприятий общественного питания, постоянно испытывая недостаток средств на эти цели, городская и рабочая потребительская кооперация Сибири в конце 1920-х гг. сумела занять лидирующие позиции в данной отрасли. Что же касается рентабельности подобных предприятий, то она зависела от рыночной конъюнктуры, квалификации работников, их умения организовать прибыльное производство. Кроме того, зависимость от государства кооперация проводила политику «низких цен», что существенным образом влияло на величину доходов потребительских обществ как от торговли, так и от предприятий общественного питания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Российский* государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 526. Оп. 1. Д. 5.
2. *Государственный* архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1131. Оп. 1. Д. 46.
3. ГАО. Ф. Р-1131. Оп. 1. Д. 177.
4. *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири. Новониколаевск, 1923.
5. РГАЭ. Ф. 526. Оп. 2. Д. 162.
6. *Отчетный доклад* Правления Томского ЦРК с 1 января по 1 декабря 1925 г. // Материалы 4-го собрания уполномоченных Томского ЦРК. 3–5 января 1926 г. Томск, 1926.
7. *Игнатов Е.* Организация общественного питания – путь к новому быту. М.; Л., 1927.
8. *Краткий отчет* правления паевого товарищества «Нарпит» за 1925/26 год. М., 1927.
9. ГАО. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 18.
10. РГАЭ. Ф. 526. Оп. 2. Д. 155.
11. РГАЭ. Ф. 526. Оп. 2. Д. 63.
12. *Рабочий путь.* 1927. 22 окт.
13. *Власть труда.* 1926. 16 нояб.
14. *Кооперативная* Сибирь. 1927. № 23.
15. ГАО. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 35.
16. *Красное знамя.* 1926. 8 мая.
17. *Кооперативная* Сибирь. 1928. № 11.
18. *Потребительская* кооперация Сибири в 1927–28 и 1928–29 гг. (Отчет IV собранию уполномоченных Сибкрайсоюза). Новосибирск, 1930.
19. ГАО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 466.
20. ГАО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 35.
21. *Любимов И.Е.* Два года работы потребительской кооперации. М., 1929. Приложение.
22. *Союз потребителей.* 1929. № 8.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 января 2010 г.